

«Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», о чём писал ещё А. С. Пушкин, — не пустой звук. За этим — историческая «связь времён», укоренённость человека в родной земле, в конечном счёте — любовь к Родине. Велика наша Родина, необозримы её леса и поля. Но в душе каждого человека прежде всего живёт любовь к своей малой родине — тому месту, где он родился и вырос... Я хочу вам рассказать о моей малой родине — о моём селе Новокурск.

Стоит на берегу реки небольшая деревушка. Река зовётся Урюпом. Её берега утопают в берёзовых и черёмуховых рощах, забоках. Река, вобравшая в себя синь неба. Моег в ней свои зелёные косы осока, вырисовываются шильца молодого камыша, веточки водяных растений, облепленные воздушными пузырями. В глазах рябит от движения быстрых струй. А деревня, стоящая над рекой, — мой Новокурск.

Середина девятнадцатого века. Богата земля сибирская лесами, тайгой, плодородной землёй. Переселенцы со всей России торопились заселить сибирские земли. Волна Россиян докатилась до Ачинского уезда.

На берег реки Урюп приехали ходоки из Курска. Приехало пять семей: Решетов Алифан со своими четырьмя сыновьями — Григорием, Андреем, Иваном и Фёдором. Приехали они на место, где никакого жилья не имелось. Везде росли красивые берёзовые рощи.

Сначала Алифан осмотрел местность, где находятся сегодняшние Никольск и Скрипачи. Но на сердце лёг взгорок на правом берегу Урюпа. Сыновьям выбранное место понравилось. Начали раскорчёвывать лес, строиться. Эти первые возведённые дома целы и сейчас, и в них благополучно живут люди.

Образовавшееся селение назвали Решетовкой. Алифан на въезде в деревню поставил дубовый крест, который спилили уже в 1938 году. Из Курска первопроходец привёз с собой икону Пресвятой Богородицы и деревянное распятие. Этим распятием перекрестил он будущее место жительства. С тех пор повёлся обычай нести этот крест впереди усопшего, как бы провожая в последний путь с благословением. По сей день хранится он, являясь исторической ценностью нашего села.

К месту нового поселения в 1900 году потянулись жители Курской и Орловской губерний. Прибыла вторая волна переселенцев. Приехавшие переименовали деревню сначала в Новокурскую, а затем в Новокурск — Новокурск Ачинского уезда Енисейской губернии.

И стала разрастаться моя деревня. Крепко мужик врастал в землю, вгрызался в щедрые недра матушки-кормилицы. Раскорчёвывался лес под поля, луга, покосы. Земля словно ждала своих освободителей, чтобы вздохнуть полной грудью и отблагодарить мужика. Поля зашумели колосьями пшеницы, ячменя, покрылись метёлками проса, овса.

В 1918 году через село проходил отряд Колчака. Голодные, оборванные солдаты грабили жителей, отбирали хороших лошадей, взамен оставляли своих загнанных, еле живых. Забирали иногда и деревенских мужиков с собой в качестве провозатых.

Жил мой Новокурск, преодолевая свалившиеся беды и несчастья, пришедшие с революцией! Жил страшному времени вопреки!

Наступил 1930 год. Начало коллективизации. К тому времени насчитывалось в деревне сто двадцать дворов. Каждая семья имела своё подворье, покосы, поля. Кулаков не было, но по приказу сверху раскулачивали тех, кто нанимал работников на летний период, кто имел маслобойню, большой дом, тех, кто сильно верил в Бога.

Война... 1941 год.

Во время войны почти все новокурские мужики и молодые ребята ушли на фронт. Все заботы и тяготы пали на плечи женщин, детей, стариков. Работали, не жалея сил, сами голодали, но помогали фронту.

Никогда в нашей стране нельзя было услышать подлинную цифру погибших на войне. Нигде не говорилось о жертвах, которые пали не только от пули врага, а и от голода, от физической, моральной тяжести. Вместе со всей страной мой Новокурск пережил эти страшные четыре года, выстоял, победил! И вот она, долгожданная победа!

Победа! Слезы и радость. Плакали от счастья. Плакали от горя. В Новокурск не вернулось семьдесят пять человек...

А нужно было жить дальше. Жить во имя отдавших свою жизнь на этой страшной войне.

И встрепенулся мой Новокурск, высоко поднял голову, зажил мирной жизнью. Открылся детский сад, заработала столовая, были построены больница, новая школа — сначала начальная, а потом семилетняя. В деревне до пятидесятых годов выжигали для кузницы берёзовый уголь, гнали из бересты дёготь. Много можно говорить о плотниках, столярах, мастерах санного и тележного ремёсел. В каждой из четырёх бригад было не менее двух мастеров. Сани изготавливали на любой фасон. Гнули дуги, делали колёса для телег и фургонов, а также сами телеги и фургоны. Местные шорники шили любую сбрую: хомуты, уздечки, шлеи, сёдла для верховой езды. Шорников была четверо. Трудились круглый год. Сбруя всегда делалась наборная.

В пятидесятые годы колхоз купил локомобиль мощностью в двадцать пять киловатт. Так в деревню пришло электричество. Построили животноводческую ферму, два зерносклада вместимостью двести центнеров зерна каждый. Работала столярная мастерская. Во всю мощь была задействована пилорама. Велось жилищное строительство. Только в 1959 году было построено для колхозников пятнадцать домов. Соломенные крыши исчезли. Их сменили шифер, тёс.

Сначала Новокурск стал отделением совхоза «Авангард», а затем — совхоза «Алтатский».

В 1985 году в Новокурске начали было строить новый гараж и контору для МТС, но затем прекратили. Но начатое не пропало. На заложенных фундаментах совхоз впоследствии построил добротный гараж и склад под запчастями.

На исходе двадцатого — в начале двадцать первого века в Новокурске проживало двести пятьдесят человек.

Сейчас, заглядывая в глаза стариков, я вижу тревогу, растерянность, недоумение, боль. Совхоз «Алтатский», в котором работали все жители села, почти развалился. Все мужчины разъехались по вахтам. Почему так случилось? На этот вопрос уже трудно ответить.

А мне стыдно и больно за всех моих земляков, поднимавших Новокурск, прошедших и переживших войны, отдававших свои силы на благо и процветание Родины. Но я надеюсь, что наступят новые времена, потому что струится в их глазах надежда. Надежда на то, что будет жить Новокурск.

Я знаю: наше молодое поколение вернёт ему былую славу и доброе имя, ведь наша деревня — наш любимый дом, наша малая родина. И мы будем слагать ей новые оды и легенды. Мы не обманем этих святых надежд.

А водам Урюпа уже не придётся печалиться и шептать про невзгоды.